
А. Трофимов
МИТЯЙ ИДЁТ В РАЗВЕДКУ

А. Трофимов

МИТЯЙ ИДЁТ В РАЗВЕДКУ

Свердловское Книжное Издательство
1961

РЯДОМ С ОТЦАМИ

НА СЕНОВАЛЕ

Я сидел на сеновале и ждал Пашку. Поджал коленки, устроился поудобней.

И где он пропадает?

Темно, страшно. Всё боялся, что Гнилой придёт.

Тихо в деревне. Даже собаки не брешут. Только у меня в животе урчит. Отец как-то говорил, что это вчерашние щи переворачиваются, пора заливать новые.

Стал думать про еду — страх прошёл, зато есть ужасно захотелось. А если сено попробовать? Коровы ведь едят. И овечки тоже.

Я выдернул из-под себя немного сена и стал его жевать. Тьфу, не проплюёшься! Да ещё и язык уколол. Вот, думаю, поймать бы Гнилого, связать да накормить сеном. Он не ест, мычит, а я ему рот набиваю и приговариваю:

— Ешь, тухлый, ешь... Будешь знать, как в зубы тыкать.

До того додумался, что и страх весь прошёл. Пусть сюда Гнилой приходит! Только сунет голову на сеновал, а я его как...

Внизу что-то загремело. Ёкнуло у меня сердце — Гнилой! Дышать перестал. Роюсь руками, лезу глубже в сено. Сено шуршит, а меня пот прошибает.

Зарылся в сено. Слушаю. Сморкнулся кто-то. Потом стукнул три раза. Потом опять сморкнулся.

Пашка, что ли? Чего он рассморкался?

У нас условный знак: три раза стукнуть по столбу и один раз сморкнуться.

— Паш-шка, ты?— зашипел я сверху.

— Да я же! Оглох, что ли? Чуть нос не своротил тут. Да ещё ведром каким-то звездануло. Понавешали...

Подполз я к дыре, через которую коровам сено сбрасывают, спустил лестницу.

— Залезай.

Залез Пашка. Злющий. А мне смешно.

— Ты чего, Мишка, скалишься?— говорит.— Дую, дую ноздрями, а ты...

— Гнилой, показалось. Перепугался,— объясняю ему.

— Гнилой,— проворчал Пашка.— Гнилого я сейчас видел. Пьяный. С буфетчицей, что на станции работала. Увидел меня, пальцем поманил. Глаза красные, как у кролика. Эх, думаю, гранаты с собой нет. Как врезал бы им обоим. Он манит, а я стою. У меня под рубахой картошка. Увидит — убьёт. И бежать боюсь, он, псих такой, и выстрелить может. Подошёл да как схватит за руку. До синяка, наверно. Сейчас горит вся. Как рак клешнятый... Схватил, тянет. Уж и не знаю, как удрал. Сторож сельповский откуда-то вывернулся. Как начал палкой размахивать. «Немецкий блюдолиз»,— говорит. Пока они лаялись — я дай бог ноги. Чуть картошку не растерял. Ешь давай. Где твои руки? Вот же темнота собачья.

Нащупал я картошку. Тёплая. Прямо с кожурой так и стал есть. Уж больно проголодался. Второй день с сеновала не слажу. Гнилой убить меня грозился. Подзатыльники всё время давал. Как встретит — так поддаст. И в зубы тыкал. Убью, говорит, змеёныш партизанский. Это он за отца. Папка-то в партизанах. А тут галстук у меня пионерский увидел. Ох, и надавал же он мне! Сейчас голова болит... Галстук я всё равно унёс. Укусил ему руку и убежал.

Наелись. Лежим с Пашкой, отдуваемся. Пашка просунул ко мне руку через сено, ткнул в живот.

— О,— говорит,— как клоп надулся.

Я его тоже ткнул.

— Тише,— говорит,— проткнёшь.

Проткнёшь его. Как барабан, брюхо.

Тут мы такую возню начали. Едва успокоились.

Хорошо на сеновале! В доме у нас пусто, голо. Немцы всё растащили. И стёкла выбили. А у Пашки и дома нет. Сожгли. Мамку с папкой убили. Ладно, зимой мы хату починим, папка из партизан придёт... Наши вот соберут силы... Танков побольше соберут, да как шибанут. И катись тогда, фриц колбасный!

Пашка страшно злой на фашистов. Больше меня. Я их не видел, в погребе сидел, когда фронт проходил. А Пашка видел. Видел, как в отца с матерью стреляли, хату палили. Пашка хочет гранату в немцев бросить. И бросит. Только сейчас не в кого. Они в районном центре. Сюда редко приезжают. А на Гнилого гранату жалко. Пашка говорит: я его так придушу. Иди-ко, попробуй! Ему двадцать, небось.

Гнилым мы Сеньку Тюрикова зовём. Отец у него в Глушковке в полиции служит, а он здесь. Кобуру с револьвером нацепил. Ходит везде, нюхает. А что нюхать? Себя пусть нюхает. У него зубы гнилые, и всегда он гадостью икает.

— Где твоя корзина?— спрашивает Пашка.

— Там, в углу. Зачем тебе?

— Гранату возьму, под голову положу. Чтобы не так страшно.

Пополз в угол, принёс. Потрогали мы её, в руках подержали, да так и уснули.

Проснулся я раньше Пашки. Сквозь худую крышу свет пробивается. Отвалил я сено, которым на ночь укрывался, сел. Сел и обмер. У самой дыры, что вниз, в конюшню, ведёт, из-под сена сапоги торчат. Мне даже на двор расхотелось. Дохнуть боюсь. А тут ещё сено заворошилось, ещё две ноги вылезли. Потянулся кто-то, аж с зевотой.

Толкаю Пашку. Спит, как мёртвый. Налопался картошки. Я сильней. Казанками под ребро. Пашка как вскочит. Глаза вытаращил на меня.

— Очумел?— спрашивает.

Я руку ко рту приложил. Маячу ему: тихо, мол. А он ничего не понимает. Орёт:

— Балда, такой сон спугнул! Жди, когда теперь приснит...

Сказал это и, как подавился. Тоже увидел. Схватил гранату. А там те двое, пистолеты на нас наставили.

— А ну, рыжий, положи игрушку,— говорит один.

Не очень светло, а разглядел, что Пашка рыжий. Может, по лицу. Оно у него, как тарелка, круглое и рыжими веснушками забрызгано.

Пашка сопит, а гранату не выпускает.

Смотрю, один пистолет в карман убирает и смеётся.

— Брось, Андрей,— говорит.— Она у него без запала.

Тут и второй пистолет спрятал. За пазуху.

А Пашка всё держит гранату. Ощетинился, как ёрш.

— И пусть без запала. А вот трахну!

Первый вдруг говорит:

— Миша, возьми у этого красноголового мухомора железяку, ещё проломит голову.

Миша? Это он меня? Так ведь это же Эдик, пионервожатый из соседней деревни! Сколько раз мы вместе походы устраивали, игры военные, костры.

— Эдик!— закричал я и — к нему.

Обнялись мы. А тот, Андрей,— большущий такой, у него под носом уже усики растут — смеётся, Пашке подмигивает. Говорит ему:

— Давай меняться. Я тебе горсть семечек дам.

А Пашка все ещё ничего не понимает:

— Вот как трахну, так и посыплются из тебя семечки.

Тот, с усиками, рот оскалил, трясётся весь, а хохотать опасается.

— Эдька, ты посмотри на него! Каков, а? Нет, такой жизнь за здорово живёшь не отдаст!

— Вот пооскаляйся — узнаешь,— грозится Пашка.

Эдик нахмурился:

— Тише вы, черти. Услышит какой-нибудь гад, немцам донесёт.— Миша, немцев много в деревне?

Я стал рассказывать:

— Ни одного. Приехали, несколько хат спалили. Людей поубивали. Вот у Пашки мамку с папкой... И уехали...

Андрей сразу посерьёзнел. Поднялся на ноги. Ну и здоров же он! Подошёл к Пашке, сел рядом и говорит:

— Ты извини. Не обижайся. Посмеялись — и точка. Свои же люди, верно? Не узнал, что ли, меня?

— Почему не узнал, узнал,— говорит Пашка.— Спросонки-то всяко поблазнит, а потом узнал. Андрей Шубников, эмтээсовского директора сын... Соседскую Варьку всегда провожал... Наши парни тебе ещё хотели шею накостылять, да ты удрал.

Андрей рот разинул, согнулся. Вроде хохочет, а не слышно. Подавился, что ли? Нет, заговорил:

— Ты мне, Рыжик, напоминаешь о приятных вещах,— сказал он.

— Небось, было бы приятно, когда бы догнали,— брюзжит Пашка.

Эдик махнул на них рукой, меня по спине пошлёпал.

— Рассказывай.

— Да я что,— говорю,— два дня вот на сеновале сижу. От Гнилого прячусь. Пашка больше знает. Он мне и еду приносит.

— Ну ты, что ли, Паша, доложи обстановку.

Пашка сунул гранату в сено, ёрзнул в сторону Эдика.

— А вы откуда на сеновале-то очутились? Вас же отправили колхозный скот угонять?

Я посмотрел на Эдика. Он вздохнул, глядя на Пашку, покачал головой. Любопытный, дескать, чертёнок. Но ответил:

— Гнали, да не угнали. Вначале самолёты немецкие обстреляли. Коров побили, троих ребят ранили. Скот наш разбежался. Собрали, сколько могли. Потом мотоциклисты нагнали... Вот, вернулись обратно. Немцы-то уже под Смоленском. Вперёд нас... Будем партизан разыскивать.

Пашка аж подскочил.

— Эдик, возьмите нас с Мишкой, а? Возьмите! Мы всё равно тут не останемся. Гнилой прибьёт нас. Вон Мишку чуть не убил. За галстук пионерский.

Эдик выслушал его, положил руку на плечо.

— И опять ты вперёд батьки в пекло. Тебя спрашивают, что и как в деревне. Может, драпать надо отсюда, пока не рассвело окончательно. Будут нам тогда партизаны...

— Да нет же, не надо драпать. В деревне один Гнилой. Немцы редко бывают.

Тут вмешался Андрей. Он всё слушал да усики теребил. Прихватывает их ногтями, а они не прихватываются.

— Эдик,— сказал он,— как бы там ни было, уйти мы сейчас никуда не сможем. Будем действовать, как решили. День переждём на сеновале, а ночью опять подадимся. Думаю, к утру до Велисских Падей дойдём. Там уже не придётся прятаться. Леса начнутся...

Помолчали все, а потом Эдик спрашивает:

— А какой это Гнилой на вас страх наводит?

Пашка объяснил:

— Полицай. Сенька Тюриков. Отец его заготовителем в районе работал.

Андрей возмутился:

— Ах, гад... Каким тихоней прикидывался. Он в мастерской у отца работал, по две нормы выполнял. Папка даже в приказе ему на Первое Мая благодарность объявил, отрезом премировали тогда.

— У него и отец в Глушковке в полиции служит,— вставил Пашка.— Два раза сюда приезжал, реквизицию... Ну, это... Масло, мясо для немцев заготовлял... Я его хотел гранатой...

— Ну, это, брат, не твоего ума дело,— обнял Андрей Пашку.— Во-первых, она не взорвётся. Запал к ней надо. Во-вторых, кинуть не успеешь, как этот подлец схватит тебя за кудри твои золотые...

Эдик уже лежал, закинув руки за голову. Через худую крышу пробивался солнечный лучик и зайчиком играл на его белом девичьем лице. Эдик задумчиво произнёс:

— Паша подаёт дельную мысль, Андрей.

Я даже задрожал весь. Даже мурашки по коже. Я понимал, о чём он говорит.

Андрей лёг рядом с Эдиком, вытянул свои длинные ноги и сказал как-то странно:

— Может, Эдик, не с чего-то, а с кого-то? Я голосую, дружище, за... А теперь — спать. Вы, орлы, смотрите, чтобы ни одна душа о нас не пронюхала. Если что — будите.

Эдик с Андреем моментально уснули. Я остался при них караульным. Всё равно появляться мне в деревне нельзя. А Пашка ушёл.

— Пойду,— сказал,— опять картошку добывать.

ТРОГАЕМ

Солнце поднялось высоко. Дощатая крыша нагрелась, стало трудно дышать.

Хотелось пить, а Пашка не приходил.

Я устроился в углу, где спрятана моя корзина с учебниками, рубашками и пионерским галстуком, проковырял в трухлявой доске дырку и наблюдал. Виден огород и два соседних дома. За ним — пятистенный дом председателя сельсовета Захара Осиповича. Он тоже в партизанах. И ещё баня видна. Маленькая. Папка её сам строил. И мыться в ней только вдвоём можно. И огород. Он у нас небольшой. Садили мы с папкой немного картошки, грядку бобов, моркови. Картошку мы с Пашкой съели, когда она, как горох, была. Морковь не удалась. Взошла, но почему-то цвести начала. Будто фашистам не хотела доставаться. Остальное всё потоптано, у забора — крапива на метр вымахала.

Только за яблонькой у бани цвели мальвы. Им и крапива нипочём. Выше её поднялись. Мальвы очень мама любила. Папа смеялся над ней.

— Садила бы маки,— говорил он.— Тоже высокие. И пользы больше. Пекла бы нам с Мишкой пироги с маком.

Смеялся, а умерла мама — сам садить стал. И поливал, и полол. Потом целыми охапками на могилу относил.

Где он сейчас, папка? Думает, наверно, что я давно уже на Урале. А я не уехал. Никто не думал, что немцы так скоро придут. Ничего, скоро увидимся. Я обязательно его разыщу, в деревне ни за что не останусь!

Эдик и Андрей все ещё спали. Андрей спокойно, только толстыми губами чмокал. Эдик часто вздрагивал... Вздрогнет — и проснётся. Отыщет меня глазами и снова заснёт. У него складки такие у рта, морщины, в общем. Как у взрослого. Нос тонкий, вытянулся.

Первым проснулся Эдик, глянул на ручные часы.

— Не приходил Павлик?— спросил у меня.

— Нет,— говорю, а самому страшно. Что всё-таки с Пашкой? Спрашиваю:— Сколько времени?

— Четыре скоро,— ответил Эдик.— Уж не случилось ли что?

А я говорю:

— Придёт..

Говорю и не знаю — придёт ли. А если Гнилой его поймал да в амбар запер?

Тут и Андрей глаза открыл. Потянулся, хрустнул костями.

— Ну как тут, не проспал я царство небесное?

— Павлика нет,— сказал Эдик.

Андрей нахмурился:

— А если ваш Гнилой его уже в Глушковку отправил? Может, нам лыжи навострить? Прижучат фашисты мальчишку, а потом и сюда заявятся. Прихлопнут, как бабочек.

Я покачал головой, заступился за Пашку:

— Нет, он никому не скажет. Хоть гвозди в него заколачивай.

Так мы и сидели до самого вечера. Голодные. И что с Пашкой, не знали. Я опять пробовал жевать сено. Выбирал мягкие стебли и жевал. Что толку-то. Только слюна шла и всё. Совсем изнемог и дремать начал. Вот тогда и появился Пашка.

Вначале я услышал условный знак — три удара по столбу. Андрей и Эдик руки в карманы сунули. Я мигаю обоими глазами и жду: вот сейчас сморкнётся. А Пашка снова стучит. Тогда я свесил голову, спросил:

— Ты, что ли? Почему сигнал нарушаешь?

— Я, давай лестницу,— каким-то сиплым голосом ответил он.

Только появилась Пашкина голова в дыре, мы все к нему бросились. На кого он был похож! Нос раздулся, глаз синим затянуло, на лбу ссадина, рубашка вся в крови.

— Нарушаешь, — прошептал Пашка.— Попробуй, сморкнись. Вон как Гнилой изукрасил. Задеть больно.

У Андрея глаза сузились, ноздри раздулись. Кулаки сжал — большие, чуть не с мою голову. Аж дрожит весь.

— Ну, погоди,— говорит,— погоди, Сенька Тюриков! — Ты мне отплатишь за это!

— Не придёт по твоим следам?— спросил Эдик.

— Нет. Я нарочно весь день у тётки провалялся... Вот тут картошка, хлеб. Две краюхи отрезала.

— За что он тебя так?— спросил Эдик.

— Допытывался, где Мишка прячется. Я, говорит, ему гадёнышу, все зубы вышибу, кусаться разучится. А я говорю, что Мишка давно в Глушковке. У него там бабушка живёт.

Мы жадно ели картошку с хлебом. Пашка всё соображал, где достать запал, чтобы взорвать Гнилого. Ел и говорил:

— Я бы — ррраз ему. А он: «Пашка, пощади!» А я бы: «Смерть тебе, гаду вонючему»... Или лучше бы автомат. Я бы заманил его в сельсоветский сад. Я будто убегаю, он — за мной. Я — ш-шить в кусты. А он — зыр-зыр вокруг: где я? Я бы тут с автоматом. А ну, сказал бы, становись к забору. Да как ж-жих — очередью. По брюху его поганому.

Эдик с Андреем молча и как-то грустно слушали.

Когда стемнело, поднялись.

— Ну, хлопцы, изволим тронуться,— сказал Эдик.— Оставлять вас в деревне не к чему. Да вы и не останетесь.

Ещё бы! Держи карман шире!

Андрей кивнул куда-то головой, спросил:

— Нанесём визит господину Тюрикову?

— Бесспорно,— ответил Эдик.— Где сейчас Гнилой?

Пашка надевал в это время мою рубаху. Пуговки на воротнике были застёгнуты. Он застрял в ней. Оттуда, как из мешка, ответил:

— Там, наверно, в правлении. Один на весь дом. А может, с Фенькой-буфетчицей. Они днём-то прибирались, немцев ждут. Гусей резали.

Я тоже переодел рубаху. Спрятал под ней галстук. Обернул вокруг руки и завязал. У самой подмышки. Никто не догадается. Приду к партизанам — надену.

— Ну, трогаем,— ещё раз сказал Эдик.

— Изволим тронуться,— сказал Пашка.

Любит повторять чужое!

Мы осторожно стали выбираться во двор через конюшню.

УВЕДИ ИХ, ЭДИК

Шли огородом. Впереди Пашка, за ним Андрей с пистолетом в руке. Потом я. И уже сзади — Эдик. У бани я свернул, добрался до мальв. Сорвал несколько цветков, сунул за пазуху. Для папы.

За баней перелезли через прясло, перешли улицу и снова по садам и огородам пробрались к правлению колхоза.

Ни души не встретили. Только около сгоревшего дома собаки чуть до смерти нас не перепугали. Шарахнулись откуда-то из темноты. Но не залаяли.

Окна правления закрыты ставнями. Через щели пробивался свет. Андрей пробрался вдоль стены, встал на завалинку. Потом вернулся, прошептал:

— Там он. Больше никого.

Сказал это и посмотрел на Эдика. Тот — на него.

— Ну,— как-то нехорошо, как больной, улыбнулся Эдик.

— Вот тебе и ну — лапти гну. Надо его оттуда вызвать.

Не знаю, как мне на ум пришло, откуда храбрость появилась. Дергаю Эдика за рукав, шепчу:

— Давай, я вызову. Постучу и скажу: «Дяденька Гнилой...»

Пашка чуть не подавился смехом, говорит:

— Он тебе такого гнилого даст...

Меня досада взяла.

— Замолчи,— говорю.— Я скажу: «Товарищ Тюриков...»

Тут уж и Эдик с Андреем заулыбались. «Вот так товарищ». Первым посерьёзнел Эдик.

— Допустим, назовёшь господином полицейским. Дальше?

— Господин полицейский,— продолжал я излагать свой способ провокации.— Это я, Мишка Ремезов, галстук принёс. Вы меня больше бить не будете?— Он и выскочит. А вы по бокам дверей станете.

— Попробуем?— посмотрел Эдик на Андрея.

Тот согласился. У меня дух спёрло. Иду. Только, думаю, голос бы не сорвался. Но ничего. Посмотрел на Эдика с Андреем — сразу трусость вылетела. Стучу.

— Кого черти носят! — заорал из-за двери Тюриков.

Я не успел рот открыть, как Андрей гаркнул:

— Я тебе покажу чертей! Так окружного встречаешь! Открывай, пьяная рожа! Ты у меня побываешь в холодной!

Даже Эдик обалдел от неожиданности. Зато Гнилой сразу протрезвился.

— Чичас, чичас,— начал греметь засовом.

Только он выглянул, Андрей как двинет его пистолетом в скулу. Гнилой полетел, чуть меня с ног не сбил. Эдик перехватил его рукой через горло, да как коленом даст в поясницу. Гнилой только замычал и, как грелка с водой, шлёпнулся.

Андрей оттолкнул Пашку, заломил руки Гнилому, стал связывать.

— Эдик, фуражку в рот сунь ему, пока не очухался.

Связали, заткнули рот, наган из кобуры Эдик вынул, мне подал. Поволокли по саду. У колодца остановились. Гнилой глаза открыл. Лежит, смотрит.

— Что дальше?— спрашивает Эдик.

— Пристрелить, как бешеную собаку,— зло проговорил Андрей.

Гнилой замычал, ногами задрыгал. Андрей приставил пистолет к его лбу.

— Именем советского народа...

Эдик остановил.

— Не надо. Шум поднимем.— И стал оглядываться.— Повесить его, по всем правилам, записку на грудь прикрепить.

Что тут начал Гнилой делать! Как уж заизвивался! Мордой об землю тиранул, фуражка изо рта выпала. Думали, завопит. А он нет. Говорит тихо:

— Эдька, я узнал тебя. И щенят этих. Я уже позвонил в район, скоро приедут каратели. Убьёте меня — сами попадётесь. Уходите немедленно, и я не скажу, кто связал меня.

Эдик усмехнулся и снова сунул фуражку в вонючий рот полицая.

Тут Пашка подскочил.

— На турник его, а? Андрей, вот тут, в колодце.

Гнилой засучил ногами. Он знал, что такое турник в колодце. Однажды он поймал Пашку во дворе школы, когда тот на турнике крутился.

— А,— говорит,— спортсмен-любитель. А ну-ка покувыркайся здесь.

Взял палку, положил её на сруб колодца и велел подтягиваться, перекидку делать. Чуть не утопил тогда Пашку.

Андрей отмахнулся. Он писал что-то на листке из блокнота, Потом выпрямился, посуровел и тихо, но торжественно прочитал:

«Казнён от имени народа. Так будет с каждым изменником».

— А теперь — идите. Уведи их, Эдик, рано пацанам такие штуки видеть.

Голос у Андрея был такой, что Эдик послушно взял нас за плечи, подтолкнул:

— Пошли.

Вечер был тихий, тёплый. Ноги холодила влажная от росы трава. Над нами было высокое синее небо. Мы шли, оглядывались. Но в саду — ни звука. Выбрались за околицу. Тут-то и донёсся до нас выстрел... Я даже споткнулся. Эдик остановил-

ся, прижал нас с Пашкой к себе. Ещё выстрел... Ещё...

Немного спустя нас нагнал Андрей. Бледный, усталый. Его аж качало.

— Пошли,— прохрипел.

Мы спешили. В деревне никто и не появился. Наверно, спят все.

За деревней свернули в поле и пошли прямиком к Велисским падям.

НЕОТПРАВЛЕННЫЕ ПИСЬМА

ПОСЛЕ БЛУЖДАНИЙ

«Бабушка, ты не сердись. Ванька Меркушев говорит, что партизаны близко, и мы их в два счёта найдём. А Вовка Самойлов честное пионерское дал, что видел их. С матерью ходил в поле зерно вышелушивать и увидел. Я хотел дождаться тебя, а ребята не согласились. Вот найду папу с мамой, тогда мы и тебя возьмём в партизаны. Будешь обед нам варить.

Ножик, это я взял. У Ваньки штык есть, у Вовки даже наган, только без патронов, а у меня ничего. Ещё я рубашку и штаны взял и хлеба отрезал.

Не сердись, бабушка, я обязательно маму с папой найду».

Такую записку оставил Федя два дня назад, когда уходил из деревни.

А сейчас...

Федя зевнул, потянулся. Не открывая глаз, пошарил рукой, чтобы натянуть одеяло до самых ушей, но рука ткнулась во что-то сырое, холодное.

Федя вздрогнул, открыл глаза. Открыл и замер от испуга. Где он? Прямо вверх стволы огромных деревьев. Сумрачно. Утро или вечер? Трава от росы сырая. Один... В лесу... И как его угораздило отстать от ребят? Вторые сутки бродит по лесу. Съел весь хлеб. Что дальше делать?

Федя поднял лежавший под головой мешочек с лямками из пояса от старого маминого платья, заглянул в него, порылся.

Пожевать ничего не нашлось. Попадали только сухие и колкие крошки. Федя машинально кинул несколько крошек в рот. Оглянулся, всхлипнул и сел на примятую траву. Она ещё хранила тепло его тела.

— Мама,— тихо произнёс мальчик.

Федя хотел сдержаться, но слёзы сами текли и текли.

Потом мальчик завязал мешок, закинул его за плечи, утёр рукавом лицо и проговорил:

— Надо двигать. Чего сидеть-то? Небось, не курица, ничего не высижу.

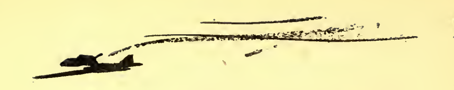
И вдруг где-то близко послышался шум. Гудели самолёты.

«Илы»,— догадался Федя по звуку. Он задрал голову, но сквозь хвою ничего не увидел. А тут и выстрелы раздались. О, этот звук ему знакомый! Вот так самолёт по земле бьёт, по всему, что там есть. Пикирует и та-та-та-та... Только держись. Так и пригвоздит. И деться некуда. Хоть землю грызи.

Федя побежал в сторону выстрелов. Может, партизаны там?

Мальчик задыхался, запинался за корни деревьев, но бежал.

Лес неожиданно кончился. Впереди лежало поле, а ещё дальше виднелись кирпичные постройки железнодорожной станции, высокая водонапорная башня. Так вот он куда забрёл! Станция Кашырнина. Сюда они с отцом зерно сдавать возили. Вон и элеватор видно. Только он теперь в дырах. Снарядами пробит. Федя прижался к сосне и широко открытыми глазами смотрел на происходящее.

В небе, делая круг за кругом, проносились самолёты.

— Наши «Ильюшины» фрицев с добрым утром поздравляют,— обрадовался Федя.

«Илы» то и дело пикировали на станцию, бомбили и обстреливали её. Там уже горели цистерны с горючим, рвались снаряды. По железнодорожным путям метались ошалевшие фашисты.

И вдруг:

— Кха-кха-кха-кха,— начали фашистские скорострельные зенитки. Они били по самолётам.

Федя, забыв обо всём, гневно затопал ногами. Вдруг попадут, собьют!

Зато, когда, изрыгая огонь, спикировал советский штурмовик, Федя восторженно закричал:

— Так их, так!.. Бей гитлерову породу!

Но гитлерова порода всё же подбила один самолёт. Самолёт накренился, стал падать. Мальчика охватил ужас. Сейчас он врежется в землю, разобьётся!

Федя сунул кулак в рот, больно прикусил его. Он не сводил глаз с большой металлической птицы с красными звёздами на крыльях.

Но вот она выпрямилась. Федя разжал зубы, почувствовал боль в руке. Но тут же забыл о ней. Самолёт приближался. Он рос на глазах, становился больше. Вот чуть развернулся, из-под брюха выставились колёса. Садится!

Колёса коснулись земли. Самолёт побежал, казалось, навстречу мальчику, затем с ходу влетел в кусты, вздрогнул и остановился.

Из кабины показался лётчик. Он тяжело вывалился на крыло, потом соскользнул по нему на землю. Ноги подкосились, и лётчик, охнув, упал на бок.

Не раздумывая, Федя помчался к нему.

— Дяденька, немцы близко, бежим скорее!

Лётчик смахнул с лица кровь, сел. Удивлённо посмотрел на Федю. Похоже, он ничего не понимал. Наконец сообразил.

— Ты здешний, малец?— спросил лётчик.

— Нет, я партизан ищу, заблудился.

— Давай-ка тикай отсюда и как можно быстрее. А я... — лётчик вынул пистолет.

Федя ничего не понял. Как это тикай? Куда тикай? Опять блуждать по лесу? Так лучше вместе. Не так страшно будет. К партизанам проберутся. Иначе лётчика схватят фрицы!

Но тут Федя увидел, как снижается ещё один самолёт, и испуганно вскрикнул:

— Ещё один падает!

Лётчик посмотрел, покачал головой:

— Нет, парень, это Борька Черепов друга выручать думает. Да он что, с ума сошёл! Обоих тут прихватят!

Второй самолёт, как капля воды похожий на подбитый, сделал круг и опустился на поляну. Из него выскочил небольшого роста парень в кожаной куртке и чёрной шапке с длинными ушами. Широко открывая рот, он закричал:

— Коля, жив, чертяка! Сжигай «Ильюшку»! На моём выберемся!

Федя помог раненому подняться. Тот, опираясь на его плечо, разыскал в кармане куртки спички, подал мальчику.

— Поджигать, да? Я сейчас...

Но подбежал второй лётчик, выхватил у Феди коробок, чиркнул спичкой, сунул её куда-то под самолёт, отскочил.

— А ну, быстро, быстро,— заговорил он, подхватывая раненого товарища. Раненый через силу проговорил:

— Мальчонку... Отсюда... прибьёт.

— Становись на крыло, хватайся за упор кабины. Можешь держаться? Да Колька же, чёрт этакий... Быстрей надо. Вон, уже бегут...

Раненый поднял голову, нахмурился.

— Боря, улетай... Я их встречу... Мальчонку захвати...

Лётчик аж зубами заскрипел.

— Чёртушка долговязый! Да я...

Маленький, щуплый, он схватил рослого товарища поперёк туловища, подкинул и, взвалив на плечо, поставил на крыло:

— За упор, за упор держись.

Потом обернулся: — Эй, карандаш! Живо беги отсюда. Сейчас рванёт!

Федя окончательно понял, что его прогоняют, что он опять останется один в лесу, а может, снова попадёт к немцам. Как же так? Вот они, родные,— и вдруг... Губы у Феди дёрнулись, вздрогнул подбородок. Сдерживая слёзы, он обиженно огрызнулся:

— Ну и пусть рванёт! Вам-то что?

Лётчик сморщился от досады:

— Ах, упрямый...

Подбежал, сгрёб Федю в охапку и почти забросил на крыло.

— Лезь ко мне за спину, держись крепче! Живые доберёмся — за уши оттаскаю.

— Небось, не оттаскаешь... — бурчал довольный Федя, втискиваясь за спину лётчика и прижимаясь к его спине, обтянутой чёрной кожей реглана.— Так я и дал оттаскать...

Мотор взревел, Федя охнул, защурил глаза и крепко вцепился в лётчика.

Так Федя Бельский перелетел фронт и вместо партизанского отряда попал в гвардейский полк советских штурмовиков.

Борис Черепов долго раздумывал, как поступить с мальчишкой. Командир велел отправить в тыл. «Там в суворовское устроят»,— сказал.

Но отправить Федю не удалось. Немцы подтянули большие силы, чтобы форсировать Днепр. Лётчики летали день и ночь. Им было не до Феди. Только командир полка как-то распорядился:

— Пусть живёт. Ответственность за мальчишку ты нести будешь, Черепов. Запроси штаб партизанского движения. Надо узнать что-нибудь о его родителях. А пока за отца ему будь.

Лейтенант Черепов после этого увёл Федю в землянку для лётчиков, показал на нары, сказал:

— Здесь спать будешь. Хватит места.

Потом, вспомнив слова командира полка, долго сидел, задумавшись. Посидел, хмыкнул, сказал Феде:

— В отцы, Федька, не гожусь. Тебе десять, мне двадцать два. Не мог же я папой в двенадцать лет стать.

Федя нашёлся:

— А в братья, дядя Боря... годитесь?

Уж очень ему ни в какое суворовское не хотелось.

Улыбка слетела с лица лейтенанта.

— Чёртушко ты этакий,— сказал он и прижал к себе Федю.— Это подходяще. Хоть один родственник будет... Я ведь, Федюшка, в детдоме вырос.

Обнявшись, они уснули вместе.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО

Федя Бельский остался в полку. Он помогал механикам чистить самолёты, прибирал в землянке. Особенно нравилось быть посыльным при командире эскадрильи.

— Товарищ Бельский,— скажет командир,— быстро в седьмой капонир. Вызовите механика Стукова.

И бежит Федя. Только полы развеваются. Найдёт Стукова, честь отдаст и по-военному отчеканит:

— Товарищ сержант, вас вызывает командир эскадрильи.

А тот:

— Слушаюсь!

И руку к козырьку.

Но ближе всех для Феди был, конечно, Черепов. Федя видел его редко и скучал. И если не было поручений, слонялся по аэродрому или сидел в землянке и думал об отце и матери, оставшихся далеко в тылу врага.

Он не терял надежды отыскать их. Федя мечтал с помощью Черепова переправить им письмо. Это же очень просто. Борис полетит бомбить немцев, будет пролетать над лесом и сбросит. А партизаны будут проходить по лесу, увидят письмо и отдадут его папе и маме. Можно письмо в банку положить. Или камень к нему привязать, чтобы ветром не унесло.

Надо только приготовить такое письмо. Федя выпросил у техников бумагу.

Вот что он написал:

«Милые папа и мама. Бабушка, наверное, думает, что я пропал. А я не пропал. Я ушёл вас разыскивать с Вовкой и Ванькой Меркушевым. Всё хорошо было. Мы уже дошли до десятой делянки. Помните, за грибами туда ходили? Хотели у дяди Семёна ночевать, но изба была пустая. Даже дверь оторвана. Но мы всё равно ночевали. А утром нас схватили полицаи и бить стали. Ваньку по лицу ударили, а меня только пнули. Спрашивали, куда мы идём. Думаете, сказали? Ничего подобного! Потом они стали в погребе шариться, а Ванька говорит: «Тикаем». Ну, мы и понеслись. Прямо по кустам. Полицаи стрелять начали. Но вы не бойтесь, они не попали. Я бежал, бежал. Все ноги побил. Ботинки-то в избе остались. Я разувши спал. Жалко ботинки. Но ничего. Мне лётчики другие дали.

Убежали тогда от лесничества, и я потерял Ваньку с Вовкой. Кричать боялся. Так ходил и искал. А где их найдёшь! Одни деревья кругом. Но ничего, потом я на самолёте летал и сейчас с лётчиками живу. Если Ванька с Вовкой нашли вас, пусть не очень-то хвастаются. Я, может, к вам на самолёте прилечу. Вот попрошу дядю Борю. Я его братом зову. У него никого нет. Ни мамы, ни папы. Ему уже двадцать с чем-то. Он лейтенант и уже сбил три фашистских самолёта. Но без вас я всё равно скучаю. Это письмо сбросит вам с самолёта лейтенант Борис Черепов, мой брат. Федя».

Лётчики и чумазые «технари», каждый по-своему, старались приласкать мальчишку. Отдавали из своего пайка шоколад, конфеты, печенье. Он всё это приберегал для Черепова. Лейтенант только морщил нос гармошкой и тискал Федю.

— Ешь сам, братуха, набирайся сил,— говорил он.

Кто-то из техников подарил ему толстую тетрадь в клеёнчатой обложке и немецкую трофейную самописку. Федя не знал, что с ними делать. Хоть и сентябрь начался, не пойдёт же он в школу? Куда? А для писем у него бумага есть.

Лейтенант Черепов посоветовал:

— Пиши дневник, Федя.

— Это какой дневник?— удивился Федя.— Куда учительница записывает: «Прошу родителей прийти в школу?»

— Страшная запись?— улыбнулся Черепов.

— Чего страшного,— возразил Федя.— Страшно, небось, когда набалуешь по правде. А мне только раз записывали. Ванька Меркушев в живом уголке стекло высадил, а я сказал, что это я. У Ваньки Меркушева отец ужас какой. До смерти бил Ваньку. Ну, я и сказал, что я... Моего отца и вызвали. Только Ванька гордый. Всё равно пришёл в учительскую и сказал, что стекло разбил он, потому что хотел банку с тритонами переставить, что Федька не разбивал, и вообще он врёт. Подумаешь, врёт! Вот отец начал бы ему ремнём пыль из штанов выколачивать... Узнал бы...

— Нет, братуха. Это другой дневник,— сказал Борис.— Будешь в него записывать, как ты жил, воевал. О людях, обо всём. И вот лет через пятнадцать, допустим, будут его читать такие же, как ты, ребята, прочитают и удивятся, что было такое время и шла война. Ведь они понятия не будут иметь, что такое война, что значит потерять отца с матерью...

ТРУДНАЯ ШТУКА

Однажды Федя рассказал Черепову про письмо.

— Сбросишь?— спросил.

Черепов грустно улыбнулся, поерошил Федины волосы.

— Ничего не выйдет, братуха. Сбросим мы с тобой эту банку. И будет она валяться до морковкиного заговенья. Но ты пиши. Когда-нибудь мы их разыщем. Сразу все твои письма прочитают. А, может, и правда к партизанам кто полетит. Бывают нам и такие задания. Кто знает, может, случится, что и найдём твоих. Пиши, братуха, пиши.

И Федя стал писать. И не только письма. Записывал, кто и когда улетел, сколько сбили фашистов, кто не вернулся на аэродром. Но потом показалось скучно так записывать. Федя задумал писать стихи... Ну, как «Руслан и Людмила» или этот... «Конёк-Горбунок».

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе — на земле,
Жил старик в одном селе.

Здорово складно! Только бы по-своему как, про лётчиков.

Однажды он просидел над тетрадью целый день, измазался в чернилах, но написал.

За горами, за лесами,
На большущей на поляне,
Как на небе и в земле,
Жили лётчики. И мне
Славный Черепов детина
Был за брата. Я, Федюшка,
Вовсе не был так и сяк,
Вовсе не был я дурак.
Брат мой в небо улетал,
Немцам морду набивал,
И потом счастливый, удалой,
Возвращался он домой...

Федя прочитал своё сочинение лётчикам вслух. Те хватались за животы.

— Борька Черепов — детина,— заливался один.— Ой, не могу! Чего же он тогда на сидение самолётные чехлы подкладывает и ножные педали до отказа выдвинул?

— Федя, Федюшка,прочитай-ка ещё, как Борька Черепов «немцам морду набивал»! — подхватывал другой.

А третий до того дохохотался, что начал кружиться по земляному полу, гимнастёрку, как юбку, подхватил пальцами, каблуками пристукивает и поёт на манер «Комаринского»:

Он счастливый, удалой,
Расхорошенький такой...

Веселье было таким заразительным, что надутые губы Феди сами собой расползлись в улыбку. Он начал хохотать вместе со всеми.

Но писать не бросил. Только писал уже не так, как в «Коньке-Горбунке», а обыкновенно. Борис Черепов сказал тогда:

— Поэзия, братуха, трудная штука.

И писал Федя больше всего письма. Пусть, думал, может, и отправлю когда.

ЕЩЁ ПИСЬМО

«Милые папа и мама. Я всё про себя писал. Сегодня я напишу про Бориса Черепова, моего брата. Я очень люблю его. Не так, как вас, но очень. Он всё время летает. Похудел. Немцы мост через реку построили. Из понтонов. Из лодок таких больших. Надо его разбомбить, а ничего не получается. Зениток у них ужас много. У нас уже четырёх «Ильюшиных» сбили. Трое с парашютами прыгнули, а капитана Виктора Ивановича сбили совсем. Лётчики все злые. Борис тоже. Только со мной он не злой. Играет. Рисовать учит. Как он животных здорово рисует! Одним махом. Раз — и кошка. Или собака.

Я вам уже несколько писем написал. Борис говорит, что из штаба партизанского сообщат ваш адрес, и тогда мы пришлём их все сразу. И вы мне ответите. Мой адрес: «Полевая почта 47 138, Бельскому». Меня тут знают, почтальон найдёт.

Помните, я писал про лётчика Николая Михайловича? Которого подбили, а Борис сел, забрал его и меня, а потом перевёз нас на аэродром. Вчера он приехал из госпиталя. Николай Михайлович, знаете, какой большой! В землянке все в полный рост ходят, а он сгибается. Пока самолёта не было, он мне военный костюм шил. Из своего. Резал, резал, а потом каких-то кусков не стало хватать. Маленькие все. А тут самолёт ему дали. Теперь он с Борисом Череповым летает. Они парами летают. Чтобы один фашистов бил, а другой прикрывал его. Так что военной формы у меня ещё нет. Борис дал свой реглан. Он ничего. Я рукава подвернул. Ботинки тоже хорошие.

Папа, ты, наверное, командиром у партизан? А если нет, уговори командира, чтобы напасть на переправу. Вы оттуда, а лётчики сверху. Разобьёте фашистов, и по ихнему же мосту переходите сюда. Хоть и не так скучно, но всё равно скучаю. Федя».

ПЕРЕД ВЫЛЕТОМ

В один из тяжёлых, наполненных полётами дней летчики стояли около своих самолётов и молчаливо жевали бутерброды, принесённые из офицерской столовой. Механики и мотористы спешно заправляли машины горючим, пополняли боеприпасами.

Настроение у всех было гадкое: восемь вылетов сделано, а результатов никаких! Гитлеровцы крепко защищали переправу, окружили её плотным кольцом огня.

Рядом с Череповым стоял Федя. В руках у него был стакан холодного кофе и хлеб с толстым куском сала. Почти плачущим голосом он упрашивал:

— Дядь Боря, с утра ничего не ел ведь.

Черепов молчал, как будто не слышал.

— Братик, ну...

— Отстань, Фёдор,— грубовато ответил Черепов.

Мальчик сел на ящик с инструментом. Губы его обиженно задёргались.

— Целый день ведь летаешь не евши,— всхлипнул он.— Ну, что стоит! Вон другие же...

Черепов присел рядом с мальчиком, обнял его за плечи.

— Неважные дела, братуха. Стоит фашистская переправа. И поделать ничего не можем. На каждую нашу пару самолётов выходят по четырнадцать-шестнадцать фашистских «Мессершмиттов».

Мальчик представил, как через Днепр колонна за колонной движется вражеская пехота, идут грузовики со снарядами, тарахтят танки с паучьей свастикой.

— Вот так, братуха!

Черепов внезапно встал, взобрался на плоскость самолёта и начал возиться с пулемётом, ещё и ещё раз проверяя его исправность.

— Борис, приземлись-ка!

Это подошёл Николай Михайлович.

— Слазь, съешь бутерброд. Не обижай парня.

Федя благодарно улыбнулся Николаю Михайловичу.

Борис спрыгнул на землю.

— Ничего не лезет в горло. Стоит передо мной эта чёртова переправа.

Бутерброд Черепов всё же взял, он сунул его в карман реглана.

— Вернусь — съем,— пообещал он.

Посмотрев на Федю, Черепов вздохнул, взял из его рук стакан с кофе, выпил.

В это время к лётному полю подошёл полковник. Штурман полка построил лётчиков. Федя слышал, как Борис шепнул Николаю Михайловичу:

— Ну, разнос будет...

Разговаривая с лётчиками, полковник смотрел куда-то в сторону.

— Мы имеем приказ — разрушить переправу. Он до сих пор не выполнен. Не выполнен...

И вдруг полковник повернулся, медленно обвёл всех взглядом и твёрдо, но в то же время с отцовской теплотой в голосе произнёс:

— Гвардейцы, мы должны его выполнить...

Когда расходились по самолётам, Черепов вдруг обнял Николая Михайловича, поцеловал.

— Ты чего, Борька?— спросил тот.

— Так, на всякий случай... Знай, Коля, что я не опущусь на аэродром, пока не взорву переправу...

Мальчика Черепов взял на руки и крепко прижал к груди.

— Слышь, Коля,— сказал,— если что, присмотри за Федей, братухой моим. Ещё раз в штаб партизанского движения напиши.

— Ты не дури,— тревожно ответил Николай Михайлович.— Слышишь, Борис?— Не дури, говорю.

Борис только махнул рукой и направился к самолёту.

БОЙ НАД ПЕРЕПРАВОЙ

«Ильюшины» один за другим поднимались в воздух, делали круг и строились парами. С соседнего аэродрома подошли истребители сопровождения. Они держались чуть выше «Ильюшиных», охраняя их от нападения немецких «Мессершмиттов».

Николай Михайлович шёл следом за Череповым — ведо-

мым. Внизу расстилались обширные зелёные массивы гомельских лесов. Дымом пожарищ обозначилась линия фронта. Блеснул Днепр.

— Коля, «Мессеры» впереди, справа,— услышал он по радио голос Черепова.— Прикрывай хвост, буду атаковать.

Шесть фашистских истребителей шли наперерез нашим штурмовикам. Черепов и Николай Михайлович стали набирать высоту, чтобы сверху ринуться на врага, отогнать его и уж тогда начать бомбёжку переправы. Но их опередили наши истребители. Они оттеснили их от «Илов», и завязался бой. Штурмовики получили возможность бомбить переправу.

Один заход «Илов» следовал за другим. Вот, чуть повалившись на крыло, пошёл в пике самолёт Черепова. Куда-то вниз, под правую плоскость скользнула земля, метнулись в сторону белёсые облака. Когда прямо перед «Ильюшиным» появилась переправа, лейтенант Черепов сбросил бомбы.

В это время появилась еще группа немецких истребителей. На выходящего из пике Черепова бросилось сразу два «Мессершмитта». Не теряя времени, Николай Михайлович пошёл им наперерез, чтобы отвлечь врага на себя.

— Коля, ты меня слышишь?— раздался в шлемофоне Николая Михайловича голос Черепова.— Придержи «желтоносых», иду ещё на заход.

— Действуй, Боря! — отозвался Николай Михайлович и ринулся на машину фашиста. Открыл огонь. «Мессершмитт» вспыхнул. Николай Михайлович крутнул «бочку», чтобы выйти из-под огня второго истребителя.

Но не помог ему этот ловкий маневр. Страшным ударом сотрясло машину. Николай Михайлович прибавил газ и взмыл вверх. Машине осталось жить считанные минуты: заглох мотор.

— Черепов, Черепов! — пытался вызвать Николай Михайлович своего друга. Но рация не работала.

— Поганое дело,— выругался лётчик.

Тыльной стороной руки он вытер набегающие на глаза струйки крови и оглядел небо, отыскивая машину товарища. Он тотчас же узнал самолёт Черепова. Жадное пламя лизало его плоскости.

— Эх, дружище, и ты нарвался!

А внизу, по переправе, по-прежнему катились машины, наполненные вражеской пехотой.

ПИСЬМА НЕ БУДУТ ОТПРАВЛЕНЫ

В комнате медпункта стояла тишина. В окна пробивались солнечные лучи.

У постели Николая Михайловича сидел Федя Бельский, осунувшийся, похудевший. Позади него столпились лётчики полка.

У Николая Михайловича перевязана голова, одна нога в гипсовой лангетке. Он полулежал, опираясь спиной о подушки и задумчиво ворошил Федины волосы.

Говорил Николай Михайлович тихо, чуть хрипло:

— Мотор заглох. Но высота была порядочная, я знал, что перетяну через реку и сяду к своим. Или выпрыгну. Машина Бориса горела. Он раза два резко кидал её в пике, пытался сбить пламя. Я видел это и ничем не мог помочь. Только кричал, как дурак: «Дотяни, дотяни, Боря... Еще немного, слышишь! Мы еще повоюем с тобой, дружище!» Он мог бы. Но он не захотел. Я кричал, уже зная, что Борис не вернётся к нам... Никогда. Он перед вылетом сказал, что не вернётся, пока не разрушит переправу.

Он мог бы перетянуть через реку и прыгнуть... Я знаю. Он ещё помахал крыльями. Значит, он видел меня. Прощался... Помахал крыльями, а потом бросил машину в пике. Я закричал:

— Борис!

Но Борис... Он врезался в переправу. Там рвануло так, что меня подбросило, я чуть не упустил управление. Больше я ничего не помню... Не помню, как я перетянул через реку, как посадил машину.

...Федя слушал с широко открытыми глазами, боясь даже шелохнуться. Крупные слёзы катились по его побледневшим щекам, падали на колени.

Лётчики ушли. Когда стемнело, медицинская сестра увела и Федю.

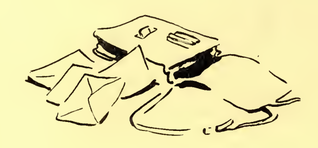
— Иди, Федюшка, поспи,— сказала.

Мальчик покорно кивнул головой, пошёл к выходу.

— Пойду,— прошептал и сглотнул слёзы.— Маме напишу с папой.

И Федя снова писал. Писал о брате, о том, как он погиб: «Милые папа и мама. Я взял все его фотографии. Лётчики отдали. И ещё сказали, что грамоту о присвоении ему звания Героя Советского Союза тоже пришлют мне. Я, наверно, уеду. Говорят, что в тылу я быстрее найду вас».

И это письмо Федя свернул треугольником, положил в старую кирзовую сумку.

МИТЯЙ ИДЁТ В РАЗВЕДКУ

ЧТО, ВЗЯЛИ!

Страх, ужасный страх гнал Митю.

Вначале он слышал позади себя тяжёлый топот сапог, а уже у самого обрывистого берега реки,— резкое, как собачий лай:

— Хальт! Хальт!

Подмытый весенними разливами высокий берег козырьком нависал над прибрежным галечником. Сюда когда-то Митяй бегал от дождя. Колька ещё один раз поспорил, что может спрыгнуть с обрыва. Но не прыгнул. Сказал, что надо ботинки такие — с пружинами. Вот старый матрац выбросят, тогда он привяжет к сандалиям пружины и прыгнет.

А Митяй не спорил. Знал, что с такой кручи лучше не прыгать, и с пружинами ноги переломаешь.

Сейчас, когда немцы вот-вот могли сцапать, он не думал об этом. Просто зажмурился и прыгнул туда, в темноту. Вначале

катился по мокрому липкому снегу, потом внутри будто всё оборвалось — Митяй оказался в воздухе. Пальтишко птичьим крылом метнулось и легло на плечи.

— А-а-а! — дико закричал Митяй и тут же больно ударился о каменистую осыпь. Подбородок лязгнул о согнутые колени. Митяй вскочил и застонал. Сильная боль не давала ступить и шагу. Но крики преследователей подхлестнули. Митяй закусил губы и побежал вдоль воды к кустам, где была спрятана лодка. С силой столкнул её с берега, прыгнул в неё и схватил вёсла.

С обрыва стеганула автоматная очередь. Забыв обо всём, Митяй налёг на вёсла. Грести было тяжело. Недавно прошёл ледоход. Вода погустела от мелких льдинок и снега. Лодка продвигалась, как в манной каше.

Ещё очередь. Ещё. Несколько пуль цокнуло по борту лодки, одна обожгла плечо. Но на это Митяй не обратил внимания. Боль от падения с кручи была куда сильнее.

Спасла Митяя темнота. Правда, немцы продолжали стрелять, но пули ложились далеко от плоскодонной лодчонки. Митяй грёб изо всех сил. Пот щипал глаза. От снега ли, по которому катился с кручи, от крови ли скамья была мокрой.

Лодка ткнулась о берег неожиданно, Митяй выронил вёсла и упал на спину...

Подняться не было сил. Митя закрыл глаза, прошептал:

— Что, взяли?

Перед глазами плыли круги, закачались...

Очнулся Митяй в избе. Горел слабый свет. Митяй увидел знакомые обои: мелкие цветочки, ни ромашка, ни василёк — такие бывают только на обоях.

Митяй удивился: «Почему я дома? Ведь я же хотел...» Он дёрнулся, застонал и уткнулся носом в подушку. Болел прикушенный язык,

ныло плечо и нестерпимо горело то место, на которое он приземлился, прыгая с крутого берега на вражеской стороне реки.

— Очнулся! — услышал Митяй знакомый густой голос. Он повернул голову и торопливо заговорил:

— Товарищ командир... Я хотел... Лучше хотел, быстрее. Ведь вы же с тем капитаном, в очках, говорили — надо разведать. Вот я и пошёл... По всем огородам прошёл, до клуба добрался, а тут они...

— Ладно, молчи, разведчик, молчи,— тяжёлая рука погладила жёсткие волосы мальчугана.

ДРУЗЬЯ-ПРИЯТЕЛИ

В Низинке, деревне, где жил Митя, фашисты пробыли всего два месяца. Но и за это время они успели показать, что такое «гитлеровский порядок». Из колхоза угнали весь скот, вывезли инвентарь, разграбили дома колхозников и расстреляли трёх стариков.

Стоит Низинка в двух километрах от неширокой реки. Митяй и его закадычный друг Колька Рыльцев, а попросту Рыльце, запросто переплывали её. Правда, с отдыхом на спине. Хотя Колька в этом никогда не признавался. «Подумаешь, отдыхать ещё. Саженками — в один мах».

Вообще Колька любил прихвастнуть. Но врал он в меру, по мелочам. Митяй каждый раз верил ему и завидовал. Нашёл Колька как-то черепок от доисторической посуды.

— Знаешь, Митяй,— говорил он,— обещали из музея деньги за него прислать и грамоту. Хочешь, тебе и себе удочки бамбуковые куплю?

Потом как-то на рыбалке Митяй напомнил об удочках. Колька Рыльцев и глазом не моргнул:

— Знаешь, я все деньги матери отдал. Вот уж рада-то была! Костюм, говорит, тебе суконный куплю.

Вечером, когда вернулись с рыбной ловли, мокрые и уставшие, мать таскала Кольку за вихры и приговаривала:

— Опять штаны ухлюстал... Отец ни дня, ни ночи покоя не знает, а ты и не думаешь, как всё достаётся. Научись вначале хоть копейку заработать. Вот отдам в пастухи...

Но разве будешь сомневаться, когда Колька после выволочки подмигнул Митяю и сказал:

— Мать-то у нас экономная. Пожалуй, и новый костюм не даст надеть.

Митяй верил и завидовал. Вот ему бы черепок найти! Уж его мать не стала бы ругаться.

Худой и длиннорукий, Митяй был почти на голову выше коренастого, нескладного и толстоватого Кольки.

Если Колька стригся «под польку», то Митяй и в пятом классе ходил стриженный наголо, потому что уж очень беспорядочно росли его жёсткие волосы.

В Низинку Митяй с матерью приехали из Свердловска после смерти отца, который работал кузнецом на металлургическом заводе.

Жить стали у тётки — сестры матери. Митяй учился, а мать поступила в колхоз и вместе со своей сестрой работала на скотном дворе.

Деревенские ребята быстро сдружились с Митяем. Во-первых, он бегал быстрее всех, во-вторых, не был задавакой, как иные городские.

В ночное с ними ездил каждый раз, и мать не кричала ему: «Простынешь!» И не фасонил — ходил в штанах с заплатками и босиком.

Одного не могли простить Митяю и всегда из-за этого ругались с ним:

— Ни один дурень Рыльцу не верит, а ты веришь. Врёт ведь всё.

Митяй гладил себя по стриженой голове и простодушно улыбался:

— Ну чего ему врать-то. Совсем не к чему.

ВРАГ ОТСТУПИЛ

Митяй и Колька Рыльцев встретились вскоре после того, как немцы ушли из Низинки. Конечно, немцы ушли не сами. Справа у районного центра наши войска так поднажали, что фашистская линия обороны прогнулась и откатилась за реку.

Через Низинку войска Гитлера бежали очертя голову. Они спешили на правый, более крутой берег реки. Рубеж для обороны был там выгодный.

Советские войска вошли утром. Солнце поднималось, растапливая редкие лужицы в утоптанном снегу, которые подёрнулись за ночь звонким игольчатым льдом. Митяй прибежал к Кольке с запасом новостей.

— Слышь, Колька, у нас командиры остановились. Штаб, разведка. Айда к нам.

Колька сидел на печи и что-то перекладывал в коробке. Он только, как петух, покосился на Митяя сверху и таинственно махнул рукой, приглашая:

— Лезь сюда.

Митяй по приступкам вскарабкался к товарищу.

— Гляди,— зашептал Колька, показывая горсть немецких латунных пуговиц.

— Так я у тебя их давно видел.

— Хм, давно! Скажет тоже! Я их вчера у фрица со штанов обрезал. У того, который у нас на посте был. Повесил он штаны у печки, а я с них — чик.

Митяй возразил:

— Да это же от шинели пуговицы.

Колька округлил свои большие глаза:

— Ну да! А он их к штанам пришил. Для крепости. Чтобы не спадывали, когда драпать будет. А я их — чик! Вот смеху было! Как наши стрельбу начали, он вскочил, напялил их, а застегнуть нечем. Подхватил рукой — да по огородам. Чисто заяц...

Картина была нарисована Колькой столь красочно, что Митяй только крякнул и восхитился:

— Здорово ты его!

— Это ещё что,— продолжал Колька.— Я и сапоги у него свистнул. Ночью. Немец спал, а я нет... Так босиком по снегу и удрал.

Митяй восторженно смотрел на друга. Вот ведь умудрился! А что он, Митяй!.. Чем похвастать может? Немцев на постое не было. Заходило двое — кур искали, потом напиться велели принести. Мать послала за квасом. Митяй пока нёс ковш с квасом, несколько раз плюнул в него. Немцы пили и крякали от удовольствия. Разве об этом Кольке сказать? Засмеёт ещё. Тоже, герой, скажет, я бы в рожу плюнул.

Но тут Митя вспомнил, зачем прибежал. Тут уж Колька позавидует!

— Айда к нам,— сказал Митяй,— у нас командиры остановились. Ну...

Врать Кольке больше нечего было, и он уже не мог скрыть жадного блеска в глазах.

— Вот у них в разведчики попроситься! Возьмут, а? Ух, здорово,— Колька даже пристукнул кулаком по коленке.

Митяй вспомнил высокого, с густым голосом и сердитым лицом майора и других офицеров, что остановились в их доме, и покачал головой.

— Нет, Колька, командир там строгий очень.

— Эх, ты!... Пойдём,— Колька спрыгнул с печки и в нерешительности замер: — Фу, ты, куда тут пойдёшь: пимы-то сестра надела.

— А ты это... Фрицевы-то сапоги,— подсказал Митяй.

— Понимаешь,— почесал в затылке Колька,— мать... в сундук их спрятала.

— Санки есть? Поехали. Подвернёшь под себя шубейку — лихо довезу.

Колька нахлобучил шапку, надел шубейку и босой выскочил на крыльцо.

— Вон,— показал он на санки, на которых возили из колодца воду. Обледеневшие и в сосульках, они стояли посреди двора.

Митяй подставил спину:

— Садись, дотащу до санок.

Толстый Колька с удовольствием вскочил на загорбок приятелю и крикнул от удовольствия:

— Н-но, каурая!

Разбрызгивая тающий снег, Митяй помчался к дому. В санках, подогнув под себя ноги и сияя всей рожицей, сидел Колька.

— Н-но, каурая! — покрикивал он.

НЕОЖИДАННОЕ РЕШЕНИЕ

Вечером Митяй, растопив печку, сидел перед жаркой заслонкой на корточках и чистил картошку. Матери и тётки не было. Они ещё днём с другими женщинами отправились в лес, где было припрятано кое-что из колхозного имущества.

Строгий майор пил из кружки чай и разговаривал с командирами, которые сидели тут же и выскребали из банки тушёнку.

— Ждать, когда подтянутся другие — бессмысленно,— говорил майор,— но и на рожон лезть нечего. Вишь,— кивнул он на Митю,— люди хотят поскорей о войне забыть. Печи топят, картошку варят... Хватит с них. Всякого хлебнули по горло. Разведать надо, а тогда действовать. Целее деревня будет.

Высокий худой капитан в очках посмотрел на Митяя и согласился:

— Да, нужна разведка. Если немцы продолжают отход и оставили заслон — собьём. Если закрепились — придётся ждать главные силы.

Снова заговорил майор:

— Авиаразведка днём доносила, что отходят. Но ведь чёрт знает, сколько их на берегу... Проверка нужна. А на рассвете — двинем. Понтонёры подошли?

— Здесь уже, в деревне.

— Передайте, пусть изучат реку. Не широкая, а всё может быть. Да и шуга после ледохода. Затруднит переправу.

...Днём, когда Митяй привёз к себе босоногого Кольку Рыльцева, командиров в доме не было. Только молодой парень — телефонист с трубкой, подвешенной на верёвочке к уху, сидел в углу, да усатый сержант с перевязанной головой перебирал за столом бумаги.

— Фиалка слушает! — кричал краснощёкий телефонист в трубку.— Сто первого нет, ушёл на астру!

На Митяя с Колькой никто даже не обращал внимания.

Колька расстроился и велел везти его домой.

На улице он бубнил в спину Митяя, который с виноватым видом вёз дружка обратно:

— Тоже мне — штаб. Фиалки, астры... Просто садоводство какое-то. Штаб — в школе. Это я точно знаю. Нужна им изба ваша! Придёт сестра — сам пойду туда. Надену пимы — и схожу.

Расстались они немного обиженные друг на друга. Потом Колька снова приходил. Что-то деланное было в его оживлении. И врал не совсем складно:

— Ходил в штаб. Сказали, что разведчиков не нужно. Обещали в кавалеристы взять... Форму дадут, коня... Пистолет уже выдали,— Колька хлопнул себя по карману, где, похоже, забрякали латунные немецкие пуговицы.— Хочешь, я за тебя попрошу?

Это уже было слишком. Даже доверчивый Митяй ухмыльнулся и протянул другу согнутый указательный палец:

— Разогни.

— А что, не веришь? Да? Хошь, покажу?

Но, видно, почувствовав, что зашел далеко, поспешно простился.

— Вообще, знаешь, я уточню завтра. Пока.

...Теперь, слушая разговор командиров, Митяй весь горел. На той стороне, в деревне Выселки живёт другая его тётка. Пойти, будто к ней, всё высмотреть — и назад. Он же быстро обернётся. Лодка есть.

Митяй сунул чугунок в печь, надел пальто и вышел.

Вечерняя темнота уже окутала деревню. Перебрехивались собаки, с дороги, идущей от леса, послышались женские голоса.

«Мать с тёткой возвращаются»,— подумал Митяй. Прихватив из сарая весло, он быстро, огородами, побежал к реке. Боялся одного — задержат красноармейцы. Но здесь их не было.

Митяй отыскал лодку и поплыл к берегу, на котором заняли оборону фашисты.

УХАЖИВАЙТЕ ЗА ГЕРОЕМ

Около постели Митяя стояли заплаканные мать и тётка. Майор тяжёлой рукой погладил голову мальчика, поправил повязку на плече.

— Товарищ командир,— с трудом говорил очнувшийся Митяй,— две пушки видел на огородах у бабки Мелентьихи, да две около старой риги... На выгоне... какая-то штука из труб... Вместе трубы, по нескольку штук... Ну,.. вроде барабан у нагана... А в деревне — ничего... Два грузовика, да солдаты ходят.

Майор нагнулся над мальчиком:

— Как же ты на берег высадился? Где? Там же оборона...

— А я... у Синих Топей. Болото там... пройти можно...

Пригибаясь в дверях, вошёл капитан в очках.

— Товарищ майор, разведчики сидят на берегу. Переправа бессмысленна, мальчишка всех переполошил. Стрельба, ракеты беспрерывно висят,— капитан сердито покосился на Митяя, который начал всхлипывать.

— Ладно, капитан. Всё уже сделано, разведка не нужна,— майор отошёл к столу, где горела керосиновая лампа.

— Вы ведь местная жительница,— обратился он к тётке.— Деревню Выселки хорошо знаете?

— Сестра у меня там.

— Так. Что за бабка Мелентьиха и где её огороды? На карте не сможете показать?

Тётка смущённо отмахнулась:

— Какая уж там карта... Изба Ефросиньи Мелентьевны около церкви. Бабка-то просвирней была. Огород её от избы до самого колхозного сада...

Капитан пометил это место на карте.

— Хорошо. А рига колхозная, старая, где?

— Товарищ майор,— прервал капитан,— рига есть на карте.

— Так их же две. Да?

— Вторую-то перед самой войной поставили,— отвечала тётка.

— Вот это уже точнее. Спасибо, гражданка... Будем, капитан, готовить людей. Высаживаться начнём там же, где высаживался мальчик — у Синих Топей... Артиллеристам дайте координаты немецкой батареи.

...Измученный всем происшедшим, Митяй уснул и не слышал, как перед рассветом загудела артиллерийская канонада. В двух километрах от Низинок начался ожесточённый бой. Подошедшие главные силы стали наводить мосты, переправлять пушки, машины, танки.

Сведения, доставленные Митяем, были довольно точными. С первых же залпов советские артиллеристы накрыли многоствольный миномёт немцев — ту самую «штуку», которая показалась Митяю похожей на барабан у нагана. Потом они перенесли огонь на огороды бабки Мелентьихи и на старую ригу. Тяжёлые, стокилограммовые снаряды в щепки разнесли ригу, а немецкие пушки превратили в груду железа.

После этого группа бойцов по Митяевому следу вышла к Синим Топям, выбила немцев из окопов и вошла в деревню Выселки.

Очнулся Митяй, когда в избу вошёл майор, возбуждённый и мокрый до пояса. Он улыбался. И как Митяй мог подумать, что майор сердитый?!

— Как здоровье-то, разведчик?

— Хорошо, спасибо,— слабо улыбнулся паренёк.

— Вот и ладно,— майор осторожно поцеловал Митяя.— Спасибо, сынок, большое дело сделал. Возьми-ка вот на память.

Майор снял с руки часы и вложил их в ладонь мальчику. Вынув из планшетки лист бумаги, он тут же, стоя у кровати, стал писать.

— Звать-то как?

— Митяй!

— Дмитрий, значит. А по батюшке?

— Дмитрий Алексеевич Коршунов.

— Вот это другое дело, а то — Митяй,— засмеялся майор и подал листок мальчику,— это тебе документ. Ну, прощай. Спасибо и вам, женщины. Ухаживайте за героем... Врача скоро пришлю.

Митина мать сидела у него в ногах и беззвучно плакала. Плакал и Митяй. От счастья, от боли в плече — от всего.

Скоро прибежал Колька Рыльцев. Он был сильно смущён и не походил на прежнего Кольку. Ступал неловко, как деревянный.

Присел у кровати, зажал руки и шапку в коленях.

— Мить... Болит у тебя, да?

— Болит. Об камни ударился... И плечо фашисты прострелили. Может, мне руку отнимут?

— Ну да, отнимут. Болтай... А потом, знаешь, сейчас врачи могут другие приделывать, я знаю. Знаешь, чик — и...

Но тут Колька увидел на столе часы и вытаращил глаза.

— Это что?

— Часы... Майор подарил. На память, сказал.

— А это что?— протянул Колька руку к бумажке.

— Документ, сказал. Прочитай, я ещё не читал.

«Пионер деревни Низинки Дмитрий Алексеевич Коршунов,— читал Колька,— в трудных условиях пробрался в тыл врага и доставил советскому командованию ценные сведения. В результате полк успешно форсировал водную преграду, занял деревню Выселки и обеспечил переправу главным силам. За геройский поступок награждаю пионера Дмитрия Коршунова часами. Командир 30-го гвардейского полка гвардии майор В. Сазонов».

Несколько минут стояла тишина. Потом Колька подёргал носом и осторожно дотронулся до здоровой руки Митяя:

— Мить, а Мить, знаешь, ведь я тебе про кавалерию наврал. Меня и в штаб не пустили.

— Ладно, подумаешь...

— И про сапоги наврал... про пуговицы тоже...

СОДЕРЖАНИЕ

Издательство просит
читателей и библиотекарей
присылать отзывы
об этой книге
по адресу:
Свердловск, ул. имени Малышева, 24
Свердловское Книжное Издательство

Трофимов Анатолнй Иванович

МИТЯЙ ИДЕТ В РАЗВЕДКУ

Редактор И. Круглик
Художник Ю. Полуэктов
Художественный редактор Ю. Сакнынь
Технческнй редактор З. Попкова
Корректоры Т. Блохииа н М. Казанцева

Подписано к печатн 21/VIII 1961 г. Уч.-изд. л. 2, 3.
Бумага 70×92/16=1,5 бумажного — 3,51 печатиого лнста.
НС 33552. Тнраж 15000. Заказ 359.
Цеиа 7 коп.

Типографня издательства «Уральский рабочий»,
Свердловск, ул. имеии Ленина, 49

7 коп.
Свердловское Книжное Издательство
1961